редовыми идеями времени абсолютизм в конкретно-исторических условиях был единственным орудием просвещения и исторического прогресса. Поэтому его безусловная поддержка являлась основной политической идеей русского просветительства 1720—1750-х годов, как была она основной политической идеей французских просветителей в рамках того же хронологического периода. При этом поддержка абсолютизма у русских просветителей облекалась в конкретную форму борьбы за продолжение «дел Петровых». Петровские реформы были практическим эталоном и политической программой для всей просветительской литературы 1720—1750-х годов. Таким образом, «историзм» русских просветителей этого времени был по-просветительски утопичен, поскольку осуществление их программы выходило далеко за пределы возможностей и реальных интересов российского самодержавия.

Оценку петровской эпохи как начала нового периода в истории российского государства Тредиаковский применил и к развитию русской литературы. В этом состоял основной пафос его деятельности в 1730-е годы.

Развитие русского литературного языка он связывал именно с петровской эпохой: «Посмотрите от Петра Великого лет, обратившись на многие прошедшие годы; то, рассудив, увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в прежде его бывших. А от Петровых лет толь отчасу во многих писателях приятнейший оной становится, что нимало не сомневаюсь, чтоб великия Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте».[28] Из убеждения в том, что для новой России (послепетровской) нужна и новая литература, вышли все обширные планы переустройства русской литературы. В сжатом виде они были высказаны Тредиаковским в его «Речи о чистоте российского языка», прочитанной в «Российском собрании» 14 марта 1735 года, и дополнены в «Эпистоле от российския поэзии к Аполлину».

Каковы были в действительности планы «Российского собрания», судить трудно, но Тредиаковский, во всяком случае, в этой речи выступил с идеей своего рода «петровской реформы» всей современной ему литературы.

Реформа эта включала в себя создание грамматики «доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению и основанной на оном», словаря «полного и довольного», Реторики и «стихотворной науки». При этом Тредиаковский очень хорошо понимал огромность и трудность исполнения своих планов: «сия трудность есть превелика, однако она не из таковых, что не возмогла быть преодоленна. Всегдашнее тщание, непрестанное размышление, не-

---

[28] В. К. Тредиаковский. Стихотворения. (Библиотека поэта, большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 331.